

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: КАК РУССКИЙ И КАРАКАЛПАКСКИЙ ЯЗЫКИ ПО-РАЗНОМУ ОПИСЫВАЮТ ПРИРОДУ

Каримова Малика

Студент 3 курса факультета иностранных языков, кафедры русского языка и литературы Каракалпакского государственного университета имени Бердаха

Аннотация: В статье рассматриваются особенности лингвистической репрезентации природного мира в русском и каракалпакском языках в рамках концепции языковой картины мира. Путем сопоставительного анализа выявляются различия в концептуализации природных объектов и явлений, обусловленные типологическими характеристиками языков, культурно-историческим опытом и образом жизни носителей. Русский язык демонстрирует тенденцию к метафоризации и антропоморфизации природы, тогда как каракалпакский язык характеризуется прагматичным и сакральным восприятием природной среды. Полученные результаты подтверждают зависимость лингвистических средств от социокультурного контекста и подчеркивают важность межъязыковых исследований для более глубокого понимания универсальных и специфических черт языковых картин мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация природы, межъязыковое сопоставление, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Современная лингвистика, интегрируя достижения когнитивной науки, культурологии и философии языка, выдвигает на первый план проблему языковой картины мира как ключевого концепта, определяющего способы концептуализации, категоризации и вербализации окружающей действительности. Язык в этом контексте рассматривается не просто как средство коммуникации, а как когнитивный инструмент репрезентации опыта, аккумулирующий коллективное знание, ценности и ментальные установки носителей той или иной культуры. Языковая картина мира, по определению Е.С. Кубряковой и З.Д. Поповой, представляет собой совокупность образов и представлений о мире, зафиксированных в лексико-семантической, грамматической и дискурсивной структурах языка. Она является результатом длительной историко-культурной эволюции, отражая как универсальные, так и этноспецифические аспекты восприятия действительности. Особый интерес в рамках данного направления представляет сопоставительное исследование языков, принадлежащих к

разным типологическим и генетическим группам, поскольку именно в таких парадигмах наиболее рельефно проявляются различия в когнитивных стратегиях и культурных установках. Сопоставление русского и каракалпакского языков позволяет выявить фундаментальные различия в способах репрезентации одного из ключевых сегментов концептуального пространства — природы как онтологически значимого и символически нагруженного фрагмента действительности. Природа в лингвокультурной традиции занимает особое место, так как она служит одновременно фоном, ресурсом и субъектом взаимодействия человека с миром. В языковом сознании она может быть сакрализована, эстетизирована, прагматизирована либо мифологизирована — в зависимости от доминирующих в культуре моделей мироощущения.

Русский язык, формировавшийся в условиях умеренно-континентального климата и обладающий богатейшей художественно-литературной традицией, репрезентирует природу преимущественно через призму эмоционально-экспрессивного и художественно-эстетического восприятия. Его лексико-семантическая система изобилует метафорами, эпитетами, персонификациями и другими тропами, отражающими чувственно-насыщенную и образную интерпретацию природных явлений. В то же время каракалпакский язык, исторически связанный с кочевым образом жизни, суровыми климатическими условиями пустынно-степного ареала и синкретической картиной мира, склонен к функциональной и сакральной интерпретации природы. Здесь преобладают номинативные структуры, отражающие точные характеристики природных объектов, их пригодность к обитанию, земледелию, кочевому быту, а также семантические поля, связанные с экологическим балансом, временем года, состоянием воды, земли и воздуха [2].

Как результат, проблема репрезентации природы в языке выходит далеко за рамки описательной лексикографии и приобретает статус междисциплинарного объекта, лежащего на пересечении когнитивной лингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии. Настоящее исследование направлено на выявление различий в концептуализации природы в русском и каракалпакском языках, что, в свою очередь, позволит не только углубить представления о специфике языковых картин мира, но и способствовать развитию межкультурной коммуникации, лингвистической типологии и межъязыковой семантики.

Концептуализация природы в русском языке

Концептуализация природы в русском языке представляет собой сложный, многослойный и исторически обусловленный феномен, интегрирующий элементы мифопоэтического мировосприятия,

христианской духовной традиции, эстетической чувствительности и национально-культурного опыта. В рамках когнитивной парадигмы языка природа в русском лингвокультурном пространстве предстает не столько как объект объективного описания, сколько как субъект взаимодействия с человеком, способный к действию, переживанию и выражению эмоций. Такая онтологическая активизация природных феноменов реализуется через антропоморфизацию, эмоциональную идентификацию и художественно-экспрессивную перцепцию, что находит отражение в лексико-семантической системе, метафорических моделях и синтаксической организации высказываний. Характерным признаком русскоязычной репрезентации природы является высокая степень метафоризации, при которой природные элементы наделяются чертами живых существ или выступают как носители морально-этических или эстетических качеств. Например, в поэтическом и обыденном дискурсе природа часто описывается в терминах чувственного и духовного восприятия: злой ветер, молчаливая степь, плачущая берёза, говорящая роща. Подобные высказывания являются не просто стилистическими приёмами, а манифестацией глубинной концептуальной модели, в рамках которой природа неотделима от человеческого субъекта и в определённой степени выступает его проекцией [4].

В структуре концептуального поля «природа» особое место занимают сезоны года и погодные явления, что обусловлено аграрно-календарной зависимостью традиционного славянского уклада жизни. Лексемы, обозначающие природные процессы, часто сопряжены с оценочными и экспрессивными компонентами: зима лютует, весна играет, осень печалит, вьюга беснуется. Эти семантические кластеры формируют устойчивые образные конструкции, отражающие эмоциональную окрашенность природных циклов и их проекцию на внутреннее состояние человека. Таким образом, природа в русском языке неразрывно связана с ментальной и эмоциональной сферой субъекта, образуя единую картину мира, в которой границы между объективным и субъективным стираются. Грамматическая реализация концептов природы также демонстрирует определённую специфику. Широкое использование глагольных форм несовершенного вида с имплицитной длительностью (дождь моросит, ветер дует, снег идёт) отражает восприятие природы как процесса, а не как результата. Это создает эффект временного континуума, в котором природные явления воспринимаются как неотъемлемая часть жизненного потока, в отличие от англосаксонской или германской традиции, склонной к фиксации статики и результата. Кроме того, в русском языке широко распространены синтаксические конструкции с безличными формами, что грамматически репрезентирует идею автономности природы по отношению к субъекту:

смеркалось, стемнело, потеплело, разгулялась буря — все эти высказывания демонстрируют независимое существование и функционирование природных сил.

Следует также отметить, что концептуализация природы в русском языке тесно связана с религиозно-духовным и фольклорным дискурсом. В традиционном мировосприятии природа не просто одушевлена, но сакрализована, что находит выражение в языковых табу, этнографических названиях и знаковых формах. Лес, вода, огонь, небо — все они выступают не только физическими объектами, но и носителями сакральной энергии, связанной с божественным или мистическим началом. В связи с этим в русском языке сохраняется множество архаизмов и реликтов, функционирующих в составе устойчивых выражений, отражающих мифопоэтический пласт сознания: лес густой — дух лесной, речка чиста — судьба ясна и пр.

В целом, русская языковая картина мира формирует особый тип концептуализации природы, в которой доминируют чувственно-образная репрезентация, эмоционально-экспрессивная оценка и персонифицированная структура природных явлений. Эта картина отличается глубокой интеграцией природы в субъектно-ценностное поле и служит лингвистическим отражением культурной установки на близость и сопричастность человека к природной среде, что подтверждает тезис о том, что язык выступает не просто репрезентантом, но и конституентом мировосприятия носителя культуры¹.

Концептуализация природы в каракалпакском языке

Концептуализация природы в каракалпакском языке представляет собой специфическую когнитивно-дискурсивную систему, формировавшуюся на протяжении веков под воздействием кочевой культуры, аридного климата и традиционного мировоззрения, в основе которого лежит синкретизм утилитарного, сакрального и экологического восприятия окружающей среды. Будучи тюркским языком, каракалпакский обладает рядом структурных и семантических особенностей, детерминирующих его номинативную и функционально-ориентированную репрезентацию природных реалий. Природа в каракалпакском языковом сознании не противопоставляется человеку как внешняя автономная сила, но воспринимается как элемент жизненного уклада, обладающий внутренней упорядоченностью, знаковой природой и способностью к регуляции поведения человека посредством традиционного знания. Фундаментальным понятием в концептуальной модели природы в каракалпакском языке является идея — природы как созидającego, но одновременно и ограничивающего начала. Это проявляется в том, что лексическая система

каракалпакского языка фокусируется не на эмоционально-эстетическом или метафорическом описании природных явлений, а на их конкретных, эмпирически значимых параметрах. Например, для обозначения ветра существует целый ряд дифференцированных наименований, учитывающих направление, силу и последствия воздействия: шамал (ветер), қатты шамал (сильный ветер). Аналогичная стратификация наблюдается в лексике, описывающей осадки, состояния воды и почвы, типы растительности и климатические изменения. Это свидетельствует о высокой семантической чувствительности к природной динамике, обеспечивающей адаптивное функционирование языка в контексте экзистенциальных вызовов. Сакральный компонент концептуализации природы реализуется преимущественно в составе традиционного фольклора, мифологических нарративов и паремийного фонда, в которых природа предстает в роли одухотворённого и сакрализованного начала. Так, в представлении носителей каракалпакского языка вода (суу), земля (жер), солнце (кун) и небо (аспан) выступают не только как физические стихии, но и как субстанции, обладающие моральным авторитетом и духовной значимостью.

С точки зрения грамматических средств репрезентации природных концептов, каракалпакский язык, обладая агглютинативной структурой, демонстрирует тенденцию к высокой деривационной плотности и морфологической эксплицитности. Посредством суффиксальной деривации формируются многочисленные дескриптивные единицы, отражающие модальность, локализацию, интенсивность и причинность природных явлений: шамаллы (ветреный), қурғақшыл жер (засушливое место). Подобные конструкции свидетельствуют о лингвистической ориентации на конкретность, прагматическую релевантность и функциональность описания природы в языке. Не менее значимой является роль темпоральной и календарной систематики, встроенной в природную картину мира. Сезонные и метеорологические изменения в каракалпакском языке строго кодифицированы в виде традиционных наименований микросезонов, ритуальных фаз и аграрных циклов: қыс ортасы (середина зимы), кузги жапырақ тусууы (осенний листопад). Эти элементы не только структурируют природное пространство, но и задают темпоральную рамку человеческой деятельности, что подтверждает тесную онтологическую связь между природным временем и социальным бытием.

Таким образом, концептуализация природы в каракалпакском языке характеризуется системной номинативностью, функционально-экологической ориентацией и сакрально-нравственной маркированностью. В отличие от русского языка, в котором природа часто предстает как художественно-эстетический объект рефлексии, каракалпакский язык

формирует более прагматическую, но одновременно и сакрализованную модель, в которой природная среда воспринимается как живое, регулятивное и нравственно значимое пространство. Такая структура лингвистической репрезентации отражает фундаментальную установку на гармонию человека с природой, где язык выступает медиатором между эмпирическим опытом и космологической целостностью.

Заключение

Результаты проведённого сопоставительного анализа позволяют утверждать, что концептуализация природы в русском и каракалпакском языках представляет собой два качественно различных когнитивных механизма, сформированных под влиянием специфических историко-культурных, климато-географических и социальноэкономических факторов. Несмотря на то, что оба языка фиксируют универсальные природные реалии — небо, землю, воду, растительность, сезонные изменения, — способы их лингвистической репрезентации демонстрируют значительные различия, свидетельствующие о гетерогенности языковых картин мира и вариативности когнитивных стратегий в интерпретации окружающей действительности. Русский язык, наследующий традиции славянского мифопоэтического мышления и христианского мироощущения, формирует образ природы как одушевлённого и чувственно-значимого пространства, обладающего внутренней динамикой, эстетической ценностью и символической нагруженностью. Основными когнитивными операциями при этом выступают метафоризация, антропоморфизация и эмоциональная проекция, что обуславливает образную и экспрессивную направленность дискурсивной репрезентации природы. Синтаксически и лексически это выражается через использование эмоционально окрашенных номинаций, динамических глагольных форм несовершенного вида и широкого спектра тропов, задающих ассоциативную глубину и поэтическую насыщенность природного описания. Таким образом, природа в русском языке предстает не только как фоновое окружение человеческого бытия, но и как субъект взаимодействия, потенциальный собеседник и выразитель внутреннего состояния индивида. В противоположность этому, каракалпакский язык репрезентирует природу преимущественно в функционально-прагматической и сакрально-регулятивной плоскости. Природа здесь предстает как активное, но не антропоморфное начало, являющееся одновременно источником жизни и системой ограничений, к которым человек должен адаптироваться посредством соблюдения традиционных норм и практик. Языковые средства выражения природных реалий в каракалпакском языке детализированы, номинативно стратифицированы и прагматически ориентированы. Сакральная составляющая реализуется через

формулы уважительного взаимодействия с природными стихиями, устойчивые выражения и символические бинарные оппозиции, закреплённые в паремиях, фольклоре и традиционном знании. Морфологическая организация языка способствует точной дифференциации природных явлений и позволяет эффективно кодировать признаки, параметры и условия функционирования природной среды. Таким образом, выявленные различия в лингвистической концептуализации природы между русским и каракалпакским языками подтверждают тезис о том, что языковая картина мира не является универсальной, а представляет собой культурно детерминированный когнитивный конструкт, формирующий уникальные модели восприятия и описания реальности. В то же время сопоставление таких картин мира позволяет обнаружить не только различия, но и потенциальные точки культурной конвергенции, связанные с универсальными архетипами природы как жизненно значимого пространства. Научная значимость подобных исследований заключается в углублении межкультурной рефлексии, расширении горизонтов лингвистической типологии и усилении диалога между различными когнитивно-культурными системами. Язык, будучи одновременно отражением и формой мышления, выступает посредником между человеком и миром, а его анализ — ключом к пониманию глубинных оснований бытийной ориентации этноса в природной и символической среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. — Т. I. Язык и знание. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 672 с.
2. Вежбицкая, А. Языковая картина мира и её когнитивные аспекты / А. Вежбицкая. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 180 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
4. Лурье, И. Я. Проблемы когнитивной лингвистики / И. Я. Лурье. — М.: Языки славянских культур, 2000. — 280 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. — 314 с.
6. Сапир Э. Язык: Введение в изучение речи / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1993. — 263 с.